Образованная элита стремилась привить массам навыки рационального мышления, однако в итоге массы не стали мыслить рационально, зато сама интеллектуальная элита начала причудливым образом производить сознание масс. Не элита воспитала массы, но наоборот массы преобразовали по своему подобию мыслящий класс. Духовное производство в эпоху массовизации создает как раз тот феномен, который с полным основанием можно назвать массовой идеологией. Надо заметить, подобное превращение идеологии не повлекло исчезновения идеологов, понимаемых в марксистском смысле как профессиональное сообщество людей, занятых духовным производством. Только последнее приобрело черты откровенного мифотворчества – рационального производства нерационального сознания. Более того, политический характер подобного производства стал совершенно очевиден. Если ранее целью идеологов выступала разработка «иллюзий господствующего класса о самом себе» (К. Маркс), то в наш прагматичный век элиты, находящиеся у власти, в подобном обслуживании вряд ли нуждаются, относясь к массовой идеологии поистине макиавеллически. Как замечает К. Мангейм, «...возглавляющий движение вождь знает, что все политические и исторические идеи – не более чем мифы. Сам он свободен от их воздействия, но он ценит их...», поскольку такое знание «...полезно вождям как чисто техническая осведомленность: они должны знать, какими средствами можно привести в движение массы».[15]

1. Фуко М. Что такое Просвещение? //Фуко М. Интеллектуалы и власть. – М., 2002. С.337.
2. Декарт Р. Избранные произведения. – М., 1950. С.271.
3. Фуко М. Указ. раб. С.338.
4. Гадамер Г.-Г. Миф и разум //Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. – М., 1991. С.94.
5. Гольбах П.А. Избранные произведения. В 2т. Т.1. – М., 1963. С.378.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.20. С.14.
7. Там же. Т.3. С.24.
8. Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. – М., 2003. С.122.
9. Там же. С.133.
10. Леви-Строс К. Структурная антропология. – М., 1983. С.186.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.33. С.215.
12. Цит. по: Бессонов Б. Пропаганда и манипуляция //Реклама: внушение и манипуляция. – Самара, 2001. С.709.
13. Гуревич П.С. Буржуазная идеология и массовое сознание. – М., 1980. С.214.
14. Кассирер Э. Техника политических мифов //Октябрь. 1993. №7. С.158.
15. Манхейм К. Идеология и утопия //Манхейм К. Диагноз нашего времени. – М., 1994. С.118.

ЧТО ТАКОЕ МИФ?

М.А. Гонсалес

Мариано Родригес Гонсалес
профессор-исследователь Автономного университета штата Мехико (Мексика)

Определение любого явления, а тем более такого феномена как миф, предполагает его перевод в термины дискурса мысли, переложение на язык, чей код существенно отличается от природы и сущности самого этого феномена.

Говорить о мифе – значит двигаться в полумраке теней, ускользающих от аналитических усилий, направленных на постижение их рационального смысла. Но тени, за которыми скрывается миф, как и всякое таинство, не лишены своеобразной привлекательности, ибо намекают на истины, таящиеся в глубинных пластах самой жизни. Ведь многие сокровенные тайны, обитающие в недрах человеческого бытия, обречены на полумрак.

Сам онтологический статус, побуждающий человека метафизически осознавать себя существом разорванным, обрекает его на восприятия смысла вещей в полусвете. Это восприятие осуществляется через фильтр или сквозь слуховое окно, именуемое мифом. Миф – это то, что одушевляет и движет; это жизненный мотив, направляющий наше существование в мире, раскрывающий драматизм раскола и разрыва, равно как и примирение человека с бытием. Любой миф – это конденсированная человеческая драма именно потому, что его корни уходят в потаенные глубины природы человека и дают о себе знать повсюду, где проявляется человеческая деятельность. Латентное присутствие мифического сознания в основополагающих актах жизни человека, просачивающееся в саму ткань, которая конституирует единство культурной жизни, делает бытие мифа ещё более непостижимым для усилий познающего разума.

И, тем не менее, миф стремится выйти наружу, пытается раскрыть свое содержание, чтобы, превратившись в повествование, выразить отношение человека к предельным основаниям собственного бытия. Но, выражая сущность, выходящую за пределы непосредственного содержания своих манифестаций, стремясь переступить границы языка, смысловое богатство мифа ускользает от нашего контроля, и его потаенная истина противится быть поименованной. Вот почему миф склонен прибегать к намеку, и обходным тропам там, где точность, ясность и определенность терпят фиаско. Пространство мифа – это сфера символа вкупе с его многообразными формами: метафорой, образом, аллюзией, суггестией, припоминанием, ибо миф стремится сказать то, перед чем другие языки смолкают, не будучи в силах выразить непостижимые глубины бытия.

Путь, по которому движется миф, находится по ту сторону ясного и отчетливого языка, ибо миф шагает по извилистым и трудно доступным тропам парадокса и полисемии. Отсюда появляется искушение подвергнуть его остракизму, изгнать из сферы мышления, рефлексии и, вообще, за пределы рационального, поставить под сомнение его способность выражать смысл реального, низвести его к бескрылой фантазии или к бессмысленному абсурду. Разумеется, к мифу неприложимы нормы логического мышления, но ему присуща своеобразная структура и принципы ориентации в мире, ибо миф – это определенная форма упорядочивания, конфигурации и внесения смысла в человеческий опыт. Следовательно, миф – это нарративная структура, лингвистическими формами выражения содержания которого выступают символы.

Стремление определить такой скользкий, полисемантичный и подверженный множеству интерпретаций феномен, как миф, приводит нас к констатации невозможности свести плюрализм его проявлений к некоему протофеноменальному единству. Миф сопротивляется попыткам втиснуть его в рамки единой объяснительной теории, но это вовсе не означает, что он недоступен каким бы то ни было интерпретативным усилиям. Сама нередуцируемость его структуры уже говорит о многом: миф присутствует во всех своих измерениях там, где человек сталкивается с внешней реальностью и с реальностью самого себя.

Исчерпав лингвистически-концептуальные возможности объяснить реальность, философия, однако, не может освободиться от магических чар непостижимого полумрака, и у неё не остается другого средства, - несмотря на то, что она изначально пытается его преодолеть, - как прибегнуть к услугам мифа.

Нельзя забывать, что в своих истоках философия была тесно связана с мифом, служившим ей питательной почвой, куда она пустила свои корни и на фундаменте которого она возвела свою крону. Иными словами, миф изначально питал философские размышления коренными проблемами, излекаемыми им из собственных недр, такими, например, как рациональность, смысл, священное, бытие, начало, тотальность, основание, космос, и т. д. Миф находится в тесном духовном родстве с философией, в противоборстве с которым последняя открывает смысл и основания собственного бытия; отталкивание от мифа позволяет философии не только ставить традиционные вопросы, но и постоянно их переосмысливать и открывать горизонты новых значений.

На основе данных соображений румынский мыслитель Мирче Элиаде выводит онтологическую проблематику, которую миф задает философскому мышлению. Он полагает, что содержание таких философских понятий как «бытие», «истина», «сущность» не слишком разнится от базовых интуиций мифа: их отличие состоит в том, что они переряжены на язык, вызванный к жизни так называемым греческим чудом. Архаическая онтология включала в себя миф; это можно наблюдать в повествовании об истоках, хотя, разумеется, невозможно вывести все типы и функции мифов, бытующие в традиционных обществах, из одного определения. Сам по себе миф – свидетельство сложной культурной реальности, ибо он не обладает фиксированной структурой или типичной формой своего проявления. Функции и формы выражения мифа настолько же разнообразны, насколько разнообразны и сами формы жизни культуры.

Все вышеизложенное отнюдь не препятствует выяснению общих структур переживания опыта мифическим сознанием, который осуществляет компаративная история религии и феноменологический метод, успешно используемый Мирче Элиаде в процессе анализа феноменов священного. С точки зрения Элиаде, мифы повествуют о священной истории; это драматическая наррация о том, как выражается священное, каким образом происходит творение, что находится в истоках сущего. Исток – это начало бытияб начало того, что есть; исток показывет как предметы вызываются к бытию и приобретают статус реальности. Будучи первоначалом всякого сущего, Бытие выражает себя как священное, ибо выступает

в качестве самого сокровенного смысла реальности. Священная история - это история, которая повествует об истоках; это показательная история, прототип и образец всего реального. В глубине мифического повествования скрываются вопросы об истоках сущего, об основания его бытия и его существовании. Будучи священной историей, миф рассказывает о событии, произошедшем в незапамятные времена, в чудесную эпоху «начала».

Мифы выражают изначальную творческую деятельность, чей смысл конституирует самое сокровенное бытие, священное - сущность божественного. В них описывается перипетии вторжения священного в мир, который является самым сокровенным пунктом творческих актов, задающим образцы организации мира и деятельности человека. Поэтому миф – это не простая фикция в архаическом смысле, а «подлинная» история в той мере, в какой она является священной историей, которая сообщает смысл всему реальному. Элиаде считает, что для мифа мир – это сущее, все то, что появилось в его истоках, а «человек есть то, кем он является: сексуальное и культурное создание, результат вторжения в мир сверхъестественных существ», а сам миф превращается в «образцовую модель» всякой значимой человеческой деятельности".

Мифы повествуют о возникновении мира, животных, растений и человека; все первоначальные события, осознаются в нем как цепочка тождеств: священная история = правдивая история = образцовая история; и человек есть то, кем он является сегодня: смертное, сексуальное существо, организованное в общество, обязанное жить и работать согласно установленным нормам.

За этими идеями скрывается определенная предпосылка, которая придает мифическому повествованию онтологическое содержание: Бытие = первоначало = священное = реальность = смысл = таинство. Эпифания священного – это творение в подлинном смысле, производство бытия, переход небытия в бытие, что придает данному акту статус модели, сопровождающей всякое творение, всякое действие и наделящей смыслом всякий конкретный предмет или явление. Глубинный смысл всех вещей коренится в том, что они изначально и по своей сущности причастны священному, на что и указывет отмечанная цепочка тождеств. В этой связи Элиаде замечает: «Сознание реального и значимого мира тесно связано с открытием священного. Посредством опыта дух отличает то, что проявляет себя в качестве реального, мощного и значительного от того, что лишено этих качеств, иными словами, от хаоса, от угрожающего опастностью потока событий, их непредсказуемых бессмысленных появлений и исчезновений. Священность присуща самому способу бытия человека в мире".[1]

Онтологизм этих идей выражается в предпосылке: начало всех вещей и событий совпадает с бытием, и проясняет то, чем они являются. Поэтому мифическое повествование наталкивает нас на серьезные вопросы, которые приводят к философским выводам, хотя и лишенным подлинной абстрактности и надлежащей рефлексивности. Так что миф можно с полным правом охарактеризовать как разновидность нарративной философии о началах всего сущего.

В мифе объяснение мира, обретая свой смысл через отсылку к первоистокам, отнюдь не отграничено от объяснения человека и реалий его жизни, равно как вопрос о бытии не отъединен от вопроса о бытии вопрошающего. Миф сообщает смысл и дает «объяснение» основополагающим измерениям человека, общественным реалиям и личной жизни: каково значение супружеской жизни? Что означает тот или иной праздник или ритуала, отмечаемый в данном обществе? Почему существуют запрещенные формы поведения? Почему данная семья располагает правом на власть или вот эта личность является королем? Почему люди имеют данную, а не иную форму социальной организации, а их взаимоотношения регулируются данным типом правления. Почему мы должны возлагать наши надежды на эти, а не на другие идеалы?

Тем не менее миф не является сам по себе гарантом добра или залогом высокой морали. Функция мифа – в выработке моделей, в установлении значения бытия мира. Отсюда проистекает и значение мифа для становления и развития человека. "Благодаря мифу человек воспринимает космос как нечто артикулированное, имеющее значение и постижимое.

Повествуя об истоках, миф не только выполняет функцию обоснования всего того, что происходит внутри мира, приписывая им тот или иной смысл, но и создает идельные модели всех наиболее значимых ритуалов и поступков людей: питания, брачных отношений, работы, воспитания детей, искусства и мудрости. Все это формирует определенную сетку культурных значений и задает идеологические рамки обществу. Миф сообщает легитимность общественным институтам, власти и, в конечном итоге, задает структуру организации и функционирования самого общества. Отсюда проистекает его двойная функция - обоснования и легитимации.

Для реализации указанной задачи миф не воспринимает первоначало в аспекте каузальности (aitía) и не рассматривает причину в ее сцепленности с другими причинами, а пытается установить то, что находится в основании всякой причины, то, что ее обосновывает и вызывает к бытию, иначе говоря, то, что является первым истоком и началом всего сущего (arkhé). Это начало не есть причинность, как ее понимает наука, а есть то, что конституирует онтологический и онтогенетический смысл самого бытия. Миф – это восприятие бытия как истока или первоначала.

Миф обосновывает и легитимирует как

космовидение, так и всякую конкретную форму жизни в двойном аспекте: 1) путем отсылки к первоначалу, к абсолюту, 2) и как фундамент или основание, над которым возышаются институты, обычаи и другие исторические конструкции.Миф содействует признанию и приятию того, что существует: он сообщает «истину», стабильность и ориентацию, пытается дать законченное видение реальности и постичь глобальный смысл всего сущего. Он отталкивает от себя и сопротивляется аналитической мысли, ибо его структура является синкретической. Он не делит и не расчленяет проблему с целью ее прояснения, как это свойственно разуму, который занят поиском ясных и отчетливых идей, скорее, он стремится к «объяснениям» путем включения событий и явлений в некую тотальность. Возможно, в этом состоит определенная общность между тотализирующими тенденциями, свойственным теоретическим построениям философии истории, исходящих из синтетических оснований и по своей логике сходных со структурами мифов.

В языке мифа бытие сущего раскрывается в формах божества. И поэтому неслучайно, что для древних греков бытие вещей – это манифестация божества. Миф – это самораскрытие бытия сущего в слове и через слово, которое всегда рассказывает нам о бытии и которое «работает» на бытие. Не всякий язык осуществляет эту манифестацию, а лишь язык, способный улавливать благоприятный момент для откровения. А стало быть, этот язык требует для своего развертывания состояний, сходных с поэзией и музыкой, ибо он умеет настраиваться на волну космических ритмов.

Будучи существом многомерным, человек обладает широкой гаммой средств выражения собственной человечности, которая, переплетаясь между собой, образует единство противоположностей - complexio oppositorum. Миф и логос – это противоположные и вместе с тем дополняющие друг друга формы, раскрывающие то, чем является человек. Если из дискурса, имманентно присущего мифу, изъять критическое сознание, а из логического дискурса изгнать всякий намек на аффективность, собщаемую ему чувственностью, то это может привести к серьезным искажениям смысла человеческого существования. В этой связи мне кажется уместным подчеркнуть, что миф, развиваемый Платоном, ищет прояснения в логосе, выступающим дополнением мифа. Функция, которую греческий философ наделяет миф, состоит в том, чтобы возвышать через символизм и интуицию человеческий дух до недосягаемого для разума уровня. Стало быть, миф - это стимул для логоса, который его оплодотворяет и обогащает.

Взаимодействие мифа и логоса идет вразрез с позитивистскими и эволюционистскими теориями, согласно которым, историческое поступательное движение есть восхождение от мифа (инфантилизм, иррационализм) к логосу (зрелость, рациональность). Но может ли выразить логос то, что ранее выражал собой миф? Ведь миф и логос – это не только два модуса выражения реальности, но также и два измерения (горизонта, направления) того, что может быть сказано посредством соответствующего языка: вряд ли когда-нибудь язык мифа может быть переведен на язык рациональности, как и наоборот. Только концепция человека как полифонического существа делает возможным гармонию между различными формами выражения человечности. Сам миф – это форма логоса: миф убивает не рост рациональности, а появление исторического сознания, как и наоборот: отсутствие исторического познания – это черта, свойственная мифическому универсуму.

(Перевод с испанского М. А. Малышева.)

1. Eliade, Mircea. La prueba del laberinto. Cristiandad, Madrid, 1980, p. 147.